

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. ВЛАДИМИРЦЕВ

ОПЫТ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ К РОМАНУ «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Автор первой статьи на тему «Достоевский и фольклор» Н. К. Пиксанов опасался, что сближение творчества писателя с устной народной поэзией «покажется неожиданным и парадоксальным».¹ Опасение не было напрасным: минули десятилетия, прежде чем проблема, поставленная ученым, вошла в историко-литературную науку о Достоевском. Пока сделаны первые, хотя и обнадеживающие шаги.²

Представляется полезным составление фольклорно-этнографического комментария к произведениям Достоевского. Этот жанр литературоведения, распространенный за рубежом, не получил

¹ Пиксанов Н. К. Достоевский и фольклор. — Советская этнография, 1934, № 1—2, с. 152.

² Из литературы вопроса см.: Gibian G. Dostoevskij's Use of Russian Folklore. — Journal of American Folklore, 1936, vol. 69, p. 239—253 (см. рецензию: Владимирцев В. П. Journal of American Folklore (США) о поэтике фольклорных отражений в художественной литературе (1956—1970 гг.). — В кн.: Русский фольклор, т. XIV. Л., 1974, с. 291—295); Мисюрев А. Достоевский и народное творчество (в годы каторги). — Сибирские огни, 1971, № 11, с. 177—183; Ветловская В. Е. 1) Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых» (Житие Алексея человека божия и духовный стих о нем). — В кн.: Достоевский и русские писатели. М., 1971, с. 325—354; 2) Символика чисел в «Братьях Карамазовых». — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 139—150; 3) Достоевский и поэтический мир Древней Руси. (Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых»). — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 129—141; Лотман Л. М. Роман Достоевского и русская легенда. — Русская литература, 1972, № 2, с. 129—141; Владимирцев В. П. Пословичный фольклор в творчестве Достоевского 40-х годов («Бедные люди», «Двойник»). — В кн.: Проблемы идейно-эстетического анализа художественной литературы в вузовских курсах в свете решений XXIV съезда КПСС. М., 1972, с. 150—152; Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Пресупление и наказание»). — В кн.: Structure of Texts and Semiotics of Culture. Hague—Paris, 1973, с. 225—302.

у нас развития, хотя его разумное использование было бы плодотворным.³

Сложность проблемы очевидна. Фольклорно-этнографические воздействия на художественный мир Достоевского были неравномерными, функционально неоднозначными и — при обязательной в каждом случае психологической мотивации — не имели самодемонстрирующего значения. Это затрудняет их выявление (с опорой на источники или соответствия) и поэтико-смысловую расшифровку. Отсюда дробность и непоследовательность в изучении фольклоризма писателя. Между тем ни мозаичным, ни «фрагментарным» художественный фольклоризм Достоевского не был. Как живое и внутренне целостное явление, он развивался в соответствии с общей идейно-эстетической эволюцией художника.

При должном внимании исследователей к этнографическим и фольклорным материалам так называемой Сибирской тетради и «Записок из Мертвого дома», а также к их использованию в последующих произведениях Достоевского остается незатронутым вопрос, мимо которого нельзя пройти, не нарушив принципа историзма: как предшествующее литературное развитие писателя подготавливало и предопределяло его занятия народным творчеством в омской каторжной тюрьме? Дают ли ранние произведения Достоевского основание утверждать, что в остроге он не начинал, а продолжал творческое общение с фольклором?

С этой точки зрения интересен уже литературный дебют Достоевского — «Бедные люди». Это, по словам Белинского, первая попытка у нас создания социального романа из жизни города.⁴ Смысл этих определений будет полнее, если учесть «демографию» романа. Со страниц 55 писем Девушкина и Доброселовой встает панорама Петербурга, города с полумиллионным в ту пору населением, отличающимся этнографической пестротой. Современную Достоевскому Россию представляют здесь столичные и общерусские лица: «артель работников испачканных»; рабочие-артельщики и пьяные мужики на Фонтанке; мастеровой-сапожник («у него <...> дети нищат и жена голодная»); чахлый и испитой слесарский ученик «с замком в руке»; каретники; извозчики ломовые и лихачи; крестьяне, рыбаки и жнецы; девушки-крестьянки; старая няня; дети-сироты; дети-нищие, собирающие милостыню по «запискам»; «маленький», больной скарлатиной; ребята, которых секут в школах; «человек без должности»; разного рода бедные постояльцы и жильцы; нищие; старуха-поплевница; вышивальщицы и белошвейки; вязальщица; иридьищица; слуги, служанки, кухарки, горничные, прачки; молочница; мещанки; бабы-чухонки; дворники; страшица-богомолка; торговки «мокрыми пряниками» и «гнилыми яблоками», расположившиеся

³ См. об этом: Владимирцев В. П. Folklore of Shakespeare. By T. E. Thibston Dyer. — В кн.: Русский фольклор, т. XIX. Л., 1979, с. 212—214.

⁴ См.: Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1962, с. 282.

на мостах; департаментские сторожа; беспаспортный бродяга; отставной солдат; уличные мальчишки; шарманщик; бедный студент, живущий уроками; лакей при эполетах и шпаге; камердинеры; гувернантки; учитель-англичанин; немецкие булочники с Гороховой; парфюмер-француз; доктор; «брильянтик»; «хорошие писцы»; писарь, просящий на водку; чиновники разных классов; сводница, соблазнитель, содержанки; отцы, матери и дети; бабушка и внучка; подставной муж; внебрачный сын; «актриска»; любитель чижиков; пьяницы, картежники; помещицы и купчихи; будочники; офицеры армии и флота; гостинодворские букинисты; литераторы; хозяева домов, комнат, «углов»; держатели пансионов; владельцы модных магазинов; процентщики-ростовщики; купец, «который сплутовал подрядом с казною»; приказчики; управляющие; помещики; превосходительные начальники; «богатейшее лицо» из «нозлащепных палат»; генералы, княжны, знатные дамы, графы... и т. д. (1, 20, 77, 80, 85, 88, 89, 90 и др.).

В романе присутствуют или упоминаются (как «внесценические») представители около ста пятидесяти сословно-классовых, всевозможных бытовых и профессионально-трудовых групп и прослоек: трудящиеся и эксплуатируемые массы города и деревни, «мужичье», всякого рода пролетаризованные и деклассированные горожане, ремесленники, мещане, разночинская интеллигенция, чиновники, расставленные по табели о рангах, захудалое и преуспевающее дворянство, помещики, торговцы и ростовщики, царская армия, полиция, сановная бюрократия. Многие из них повторяются и варьируются, еще более уплотняя «населенность» произведения.

Одновременно зафиксировано великое множество культурно-бытовых ситуаций и подробностей эпохи.⁵ Можно выделить социально-этнографические ряды, которые влияют на внутрихудожественные связи романа, способствуют образованию основных и вспомогательных сюжетобразующих ходов и сцеплений: собственно фольклорный ряд (рассказывание и слушание сказок, театр уличного шарманщика, посиделки и др.), ритуально-бытовой (отдельные звенья обрядовых комплексов — погребального, поминального, свадебного, связанного с днем рождения, игры и т. п.), культовый, определяемый религиозно-бытовой традицией, и хозяйственно-культурный (вязание на спицах, прядение, вышивание, в том числе тамбуром и гладью, шитье, переписывание, цветоводство, ювелирное дело, пряничный промысел и т. д.). Среди этнографических реалий, вошедших в роман на правах художественного материала, есть и редкостные, например обычай собирать подающие по «записке», представляющей собой один из

⁵ На этом основании «Бедные люди» приведены как этнографический источник в кн.: Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978, с. 49.

видов городского народного красноречия.⁶ Характерен обычай встречаться (род свиданий) в церкви «по воскресеньям у обедни», на всеобщей и т. п. (1, 55, 102).

Этнографизм в «Бедных людях» не щедрая дань литературной моде — «физиологическому» очерку 40-х годов⁷ и не бытовое наполнение сюжета, но условие социально-психологического анализа. Двойственная сущность Петербурга, города бедности и роскоши, раскрыта в романе через собственную речь «бедных людей». Новшество было в том, что Достоевский поместил петербургский мир в сознание «маленького человека» (1, 17). «Очеловеченные» отклики (впечатления) на «вседневный, подлый быт» (1, 63) столицы помогают познать душевную жизнь Девушкина, сосредоточенную на самых «больших точках» эпохи. В. Н. Майков, который поверял роман Достоевского жизнью, пронзительно заметил, что для автора «Бедных людей» и «Двойника» «самое общество интересно по влиянию его на личность индивидуума».⁸ Чем пестрей и противоречивей общественный быт, отражающийся в самосознании Макара Алексеевича и Вареньки, тем углубленнее и сложнее психологический анализ русской действительности в романе. Думается, нет оснований для того, чтобы расщеплять или даже противопоставлять «достоверность психологическую» и «бытовую, этнографическую»,⁹ ибо одно явно вдохновляется и поддерживается другим.

Чем детерминированы фольклорные отражения в романе «Бедные люди»? Разумеется, не просто реалистически воспроизведенным бытом. Задача, которая особенно занимала Достоевского, сводилась к тому, чтобы «не показывать» «рожи сочинителя» и объективировать тот художественный факт, что в романе-эпистолярном «говорит Девушкин», а не автор, «и что Девушкин иначе и говорить не может» (II, I, 86). Добавим: «говорит» еще и его корреспондентка Варенька. На избыточную «говорливость» как на свойство стиливого рисунка «Бедных людей» указывал Гоголь.¹⁰

Существует внутренняя связь между «говорливостью» корреспондентов и фольклоризмом произведения. Уже современники заметили сделанный Достоевским упор на устную, живую речь, стилистику городского бытового просторечия, формы простонародного языка. Один из рецензентов писал со знанием дела, что «на-

⁶ В 1846 г. авторы рассказа «Как опасно предаваться честолюбивым снам» воспользовались этим этнографическим материалом — правда, в ином художественном ключе (1, 323—324). См. также: Картички русских нравов. СПб., 1842, с. 15, 17.

⁷ В течение десятилетия (с 1839 по 1848 г.) вышло в свет не менее 700 физиологических очерков (см.: Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М., 1965, с. 98).

⁸ Майков В. Н. Соч. т. I. Киев, 1901, с. 207.

⁹ Кулешов В. И. Натуральная школа в русской литературе. М., 1965, с. 223.

¹⁰ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. XIII. М., 1952, с. 66.

стоящая, неподражаемая, неподдельная простота» языка Доброселовой и Девушкина доходит «до патриархальности ежедневных сплетнических бесед Песков или Петербургской стороны».¹¹ Действительно, Макар Алексеевич и Варенька думают и говорят как истинные представители разночинского «пролетариата столицы»,¹² и фольклоризм эпохи отражается в их письмах примерно в той же степени, в какой он был свойствен этой социальной среде.

Не надо забывать, что ценностный Петербург и к середине XIX в. оставался в значительной мере «народным» городом. В 1832 г. на долю крестьян, дворовых людей, цеховых здесь приходилась половина населения; по переписи 1864 г., «главную массу населения составляют крестьяне, за ними следуют мещане <...> Грамотные жители столицы составляли 53% общего населения».¹³ Этот низовой Петербург и был для автора «Бедных людей» главным этнографическим источником.

Достоевский отводит роль хранителей и продолжателей устно-поэтических традиций демократическим или близким к ним персонажам, даже если они сюжетно не вполне раскрыты. Такую художественную нагрузку несут бывшая квартирная хозяйка Девушкина, бродячий шарманщик, петербургские крестьяне и мещане, старая няня Ульяна, крестьяне деревни, где жила семья Доброселовых, наконец, сам Макар Алексеевич и Варенька.

В какие отношения к фольклору писатель ставит своих героев, живущих в крупнейшем городе России?

Те, кто изучал роман «Бедные люди», не обратили достаточного внимания на петербургскую сказочницу, у которой квартировал Девушкин. Между тем «старушка», как ее называет бывший постоялец, — лицо примечательное. Она промышляла ручным вязаньем одеял на спицах, но в памяти Макара осталась прежде всего как мастерица сказки рассказывать. «И какие сказки то были! Не то что дитя, и толковый и умный человек заслушается. Чего! сам я, бывало, закурю трубочку, да так заслушаюсь, что и про дело забуду. А дитя-то <...> призадумается <...> чуть страшная сказка, так и жметя к старушке» (1, 20). Старая вязальщица исторически и социально сродни тем петербургским старухам и торговкам, которых «брали с площадей» в императорские походы для рассказывания сказок царствующей особе.¹⁴

¹¹ Библиотека для чтения, 1846, т. 75, отд. V, с. 34. Имелось в виду, что Пески и Петербургская сторона — наиболее демократичные и «деревенские» районы столицы.

¹² См.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, т. I, М., 1964, с. 446.

¹³ Башуцкий А. Панорама С.-Петербурга, ч. II, СПб., 1834, с. 84. См. также: Семюков П. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. VI, СПб., 1868, с. 451.

¹⁴ См.: Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. Изд. 2-е, СПб., 1889, с. 78.

В обществе «старушки» Девушкин «хорошо» прожил «чуть ли не двадцать лет»: «...огонь-то мы с нею вместе держали, так за одним столом и работали». Надо полагать, столь длительное совместное житье-бытье отразилось на духовном облике Макара Алексеевича, обогатило и развило его «слог». Такие фольклорные иллюстрации в письме Девушкина от 5 сентября, как сказка об Иванушке-дурачке или народно-поэтический мотив вороны-судьбы, могли быть восприняты из рассказов хозяйки.

Не менее примечательно другое эпизодическое лицо — шарманщик, встреченный Макаром на Гороховой. Он «расположился перед чьими-то окнами», чтобы дать незамысловатое музыкально-кукольное представление (1, 86, 87). Тут же случайные зрители — сам Макар Алексеевич, извозчики, «девка какая-то», полуничиные дети. Слушают музыку, смотрят, «как у немца куклы танцуют» — в «ящике с огородочкой» «представлен француз, танцующий с дамами».

Весной 1842 г. на квартире Достоевского его товарищ по Инженерному училищу художник К. А. Трутовский нарисовал шарманщика, но всей видимости с натуры. Достоевские дорожили этим рисунком, хранили его у себя.¹⁵ Осенью 1844 г. Д. В. Григорович читал Достоевскому, уже работавшему над «Бедными людьми», рукопись очерка «Петербургские шарманщики», после чего состоялось обсуждение прочитанного.¹⁶ Эти факты, вероятно, определенным образом повлияли на творческую мысль молодого Достоевского. В 40-е годы он дважды обращался к теме шарманщика, не допустив самоповторений: в «Бедных людях» его внимание обращено на психологию восприятия эпизода с шарманщиком, в «Господине Прохарчине» набросана сжатая до одной фразы (сложное сравнение в духе поэтики Гоголя) характеристика развития сюжета и действующих лиц народной кукольной комедии, которая давалась оборванными артистами-шарманщиками Петербурга (1, 251—252). Спустя много лет, в «Преступлении и наказании», писатель еще раз вернется к этой фольклорно-этнографической теме, чтобы полнее раскрыть заложенные в ней драматические возможности.

Сначала в «записках», далее в письмах Вареньки троекратно появляется образ доброселовской «старушки няни» из крепостных крестьянок — Ульяны Фроловны.¹⁷ Как ни скупы сведения о ней, это не мешает причислить ее к классическому типу народных рассказчиц, имевших большое нравственное и художественное влияние на окружающих (историко-типологическая линия

¹⁵ См.: Достоевский А. М. Воспоминания. Л., 1930, с. 127.

¹⁶ См.: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961, с. 84—85.

¹⁷ Этот образ не лишен автобиографизма. Няня и ключница в отчем доме Достоевских — Алена Фроловна была небезызвестной сказочницей: «всегда нам рассказывала такие славные сказки!» — вспоминал Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 г. (22, 112).

в русской литературе — от няни Пушкина до горьковской Акулины Кашириной). «Нянины сказки» (1, 28) глубоко зашли в душу Вареньки. Подобно сказкам петербургской «старушки» они рассказывались и слушались не днем, а вечерами, в темное время, как того требовали неписанные правила народной эстетики: «...раздадут нам, всем детям, работу: горох или мак шелушить. Сырые дрова трещат в печи <...> старая няня Ульяна рассказывает про старое время или страшные сказки про колдунов и мертвецов. Мы, дети, жмемся подружка к подружке, а улыбка у всех на губах. Вот вдруг замолчим разом... чу! шум! как будто кто-то стучит! Ничего не бывало; это гудит самопрялка у старой Фроловны; сколько смеху бывало! А потом ночью не спим от страха; находят такие страшные сны. Проснешься, бывало, шевельнуться не смеешь и до рассвета дрогнешь под одеялом» (1, 84).

Среди тех, кто олицетворяет собой устную повествовательную традицию городского (мещанского) простонародья, в романе названа Федора, квартирная хозяйка Доброселовой, прирабатывающая шитьем и вышиванием. Письма Вареньки полны указаний на «говорливость» Федоры. «Приходите ко мне <...> Федора о своих богомольных странствованиях рассказывать будет», — с таким «душеспасительным» предложением обращается Варенька к «пьянице» Макару Алексеичу (1, 80—81). Рассказы странников о подвижнических хождениях к «святым местам» были неотъемлемой частью фольклорной прозы. Читателю неизвестно, какой мерой таланта наделена рассказчица Федора, но ее причастность к этой группе «христовых людей» не вызывает сомнений. В рассказах Федоры о «богомольных странствованиях» Варенька нашла особые достоинства — иначе она не стала бы увлекать Девушкина возможностью послушать их. Тема странничества-богомольщины вошла в творчество Достоевского вместе с образом Федоры (не случайно это имя переводится с греческого как «божедар») и наиболее глубокое звучание получила в романе «Подросток», в образе Макара Долгорукого.

В демографическом списке романа есть петербургская крестьянка или мещанка, которая «причитает про нелегкое». На Выборгской стороне в доме ростовщика Маркова Девушкин впотмах у порога «споткнулся об какую-то бабу, а баба молоко из подошника в кувшины цедила и все молоко пролила. Завизжала, затрещала глупая баба, — дескать, куда ты, батюшка, лезешь, чего тебе надо? да и пошла причитать про нелегкое» (1, 77—78). Речитативное оплакивание беды, принесенной «нелегким»,¹⁸ — женская плачеобразная импровизация, традиционное бытовое нехоронное причитание.

В первопечатном тексте имелась беглая деталь, касающаяся песенного обихода русской деревни. Варенька вспоминает, как

«крестьянин при окончании осенних работ «весело запевал свою бесконечную песню» (1, 444). Так Варенька, угнетенная петербургскими невзгодами, противопоставляет город деревне: обобщенная фигура весело поющего крестьянина не характерна для столичной «толпы повых, незнакомых лиц, негостеприимных, недовольных, сердитых» (1, 27). Впоследствии, почти через 20 лет, готовя роман для Полного собрания сочинений в издании Ф. Стелловского, Достоевский снял эту деталь, по всей вероятности как пасторально-буколическую.

Сходным путем, через воспоминания Вареньки о деревенской жизни, роман дает и другую календарно-бытовую зарисовку: «Я так любила осень — позднюю осень, когда уже уберут хлеба, окончат все работы, когда уже в избах начнут посылки...» (1, 83). У В. И. Даля говорится: «Посиделки <...> сборище крестьянской молодежи, по осенним и зимним ночам, под видом рукоделья, пряжи, а более для рассказней, забав и песен <...> Вообще *посиделки* начинаются с летопродвца (с 1 сентя^бря), сменяя собою хороводы».¹⁹

Первоначально посиделки соотносились в том же письме от 3 сентября с такой этнографической подробностью: «...оттого (перед этим Варенька идилически писала о крестьянском благоденствии, — В. В.) по вечерам и не умолкают звонкие песни девушек и хороводные игры» (1, 449).

Осенние (сменинские, капустинские, покровские) хороводы, игры, посиделки и их песенное сопровождение — обычным по тем временам обстоятельством сельской жизни. И хотя они получили опосредованное отражение в романе, их роль несводима к формально-бытовому иллюстраторству. Героиня Достоевского идеализирует крепостную деревню не только по наивности, но главным образом потому, что испытывает ужас перед кошмарами большого европеизированного города. Наконец, она совершенно права в том, что мир народности, выражаемый сказкой, несней или хороводом, прекрасен. Это объясняет, почему ценны едва намеченные образы крестьян в «записках»-воспоминаниях и письмах Доброселовой: именно здесь, внизу, в гуще народа находятся животворные истоки исконной художественной и этической культуры, воздействие которой испытывает героиня. Здесь есть точки соприкосновения с характерологией Татьяны Лариной.

Своеобразным посетителем и хранителем фольклорных традиций выведено в романе мелкое и беднейшее чиновничество, «труженники канцелярии, поденщики бюрократии».²⁰ В «говорливости» Девушкина, «величайшего болтуна из всех возможных титулярных советников на свете»,²¹ дают о себе знать устнопоэтические павыки и интонации «петербургской России». Фольк-

¹⁸ По Далю, «нелегкая сила» — неладная, подобная, нечистая, вражеская, бесовская (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, М., 1955, с. 522).

¹⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III, с. 328—329 («Посажать»).

²⁰ Герцен А. И. Собр. соч., т. II, М., 1955, с. 40.

²¹ Библиотека для чтения, 1846, т. 75, отд. V, с. 31.

дорные отражения в его письмах очень разнообразны, но объединены тем, что передают содержание внутренней жизни Макара Алексеевича. Не утраченный с годами интерес к «старушке»-сказочнице, пылкий взгляд, остановленный на шарманщике и его зрителях, раздумья о судьбе, стремление постигнуть смысл образа Иванушки-дурачка, склонность к пословице и поговорке, народно-поэтическому слогу, обращение к стилю плачей — основные житейско-психологические формы, в которых воплощается бытовой фольклоризм Девушкина.

В ряду персонажей — носителей фольклора находится и Варенька. Она питает симпатии к фольклоризованному крестьянскому быту, его обрядам. Благодаря ее впечатлительности и «говорливости» в роман пропикают данные о «страшных сказках» — быличках и психологии их восприятия, о песнях и пении, игрищах и хороводах, посиделках и страннических рассказах. Но связи Вареньки с народной поэзией все-таки глубже, чем могут показаться с первого взгляда. «Федора продаст ковер, который я вышила; дают пятьдесят рублей ассигнациями» (1, 55). Судя по этому, Варенька владела искусством ручной вышивки. Творчество подобных ей мастериц-вышивальщиц «протекало в рамках выработанных народом художественно-декоративных традиций».²² Чтобы в домашних условиях вышить на пальцах ковер стоимостью в пятьдесят рублей, Вареньке нужно было знать не только технику, но и «поэтику» русского народного художественного шитья.

Итак, в романе даны живые для той эпохи типы — лица, выступающие в той либо другой форме как выразители современной им народно-поэтической традиции. Чаще этой роли удостоиваются женщины. Лишь Макар Алексеевич и его корреспондентка действуют самостоятельно, остальные — только как персонажи их писем. Это наложило отпечаток на отбор и претворение фольклорно-этнографических материалов.

Для Достоевского фольклор — это еще один «голос» действительности, и он чутко прислушивался к нему. Воспользовавшись преимуществами эпистолярно-диалогического романа, писатель наделял главных героев правом независимо, из внутренней потребности откликаться на различные «сигналы» из мира устной народной поэзии. Важно, какую эмоционально-смысловую окраску приобретает фольклор в сознании Девушкина и Вареньки.

В их письмах так или иначе охарактеризованы многие жанры и виды народно-поэтического творчества. В области прозы — это традиционные сказки, некий сюжет об Иванушке-дурачке, бывальщины и былички, страннические рассказы о богомольных скитаниях, предания «про старое время». Несомненно особняком стоят кукольно-музыкальный спектакль шарманщика, «хоровод-

²² Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978, с. 7.

ные игры», текст «записки» с просьбой о подавании. Читателю — современнику «Бедных людей» были понятны немногословные ссылки на крестьянские песни, звучавшие осенью в деревне, равно как и на бытовые «песенники», ходившие в городе по рукам (1, 20, 28, 41, 80—81, 84, 86, 444, 449).

Подчеркнутое значение придано пословично-поговорочному фольклору и причитаниям.

Речевой стиль Макара Девушкина, умудренного годами, естественно опирается на пословицу и поговорку: «не радость старость», «слезами горю помочь нельзя», «кажется, муха меня крылом перешибет», «хоть по пословице и седьмая вода на киселе, а все-таки родственник», «по русской пословице: кто, дескать, другому яму роет, так тот... и сам туда же», «как я учился? даже и не на медные деньги», «по пословице — вырос, а ума не вынес», «жить водой не замути, по пословице», «мне так на роду было написано, уж это, верно, судьба, — а от судьбы не убежишь», «черт с младенцем связались», «и прежде мне не было масленицы», «на пет и суда нет», «что честь, когда нечего есть» и многое другое (1, 13, 14, 17, 20, 21, 24, 51, 62, 67, 70, 75, 98). Пожалуй, речь Девушкина фразеологически богаче, чем у любого из героев Достоевского вообще.

К пословично-поговорочному слою романа относится поэтика имени Макар. Герой Достоевского, соименный фольклорному герою из персонажных пословиц о фатально-незадачливом «бедном Макаре», откровенно сближен с ним.

Жизнь «бедных людей», парив петербургского общества, бесчеловечно искажена. В слезах изливают они горемычную долю, сокрушаясь и плача от бессилия перед обстоятельствами своего забитого существования. На такой социально-психологической основе в письма Макара и Вареньки вошли народные причитания. В этом сказался не только личный фольклорный опыт героев, но и их сопричастность народному восприятию действительности.

На похоронные плачи по умершему как обязательное условие бытового уклада дважды ссылается Девушкина (1, 63, 107). В письмах Вареньки звучат нотки сиротских плачей по матери. Пишет она, например, как «ходила к матушке панихиду слушать», и сбивается на причитывание: «Ах, бедная, бедная моя матушка, если б ты встала из гроба, если б ты знала, если б ты видела, что они со мною сделали!» (1, 25). Громкое эхо народных причетов, связанных с обрядами выдачи замуж, расставания, проводов на гибель, слышится в последних письмах Вареньки и Девушкина. Здесь многое, особенно у Макара Алексеевича, идет от фольклора: патетика отчаяния, замедленное, скованное горем движение мысли и речи, жалобная «спотыкающаяся» интонация, обилие горестных вопросов и восклицаний, насыщенность обращениями и заклятиями, единоначатия, повторы, подхватывания, эпитеты и другие элементы народной лексики, фразеологии и синтаксиса. В эти письма

следует не только вчитываться, но и вслушиваться, чтобы вполне оценить их художественную силу.

В 30—40-е годы, эпоху романа, причитания были женским жанром русского фольклора, а причитывание — обрядно-бытовой привилегией женщины. Однако заключительное письмо Девушкина сильнее отражает поэзию женских плачей, чем соответствующее письмо Вареньки. Вспомним мнение В. Г. Белинского об этом эпистолярном сочинении Макара Алексеевича: «... это слезы, рыдание, вошь, раздражающие душу!».²³ На фольклоризм девушкинского письма прямо указывали А. И. Белецкий («это ритм причитания, это темп плача») и В. В. Виноградов («трагический взлет похоронных плачей»)²⁴

Сводку фольклорных материалов романа можно заключить легендой об Ивиковых журавлях (1, 59). Она легла в основу шиллеровской баллады, которая стала известна русскому читателю в переводе В. А. Жуковского. Можно предположить, что легендарный сюжет о роковом преступлении и наказании²⁵ задел воображение Девушкина, поскольку он не преминул отметить балладу Ф. Шиллера как прочитанную им. Другое дело — сам Достоевский: введя «Ивиковых журавлей» в круг чтения Макара Алексеевича, он «проговорился» о своем небезразличии к народно-поэтической истории, обратившей на себя внимание немецкой и русской поэзии.

Как видно из обзора, формы использования фольклора в «Бедных людях» различны. Здесь и беглое, элементарное упоминание, и разветвленно-сложная бытовая картина, и психологическая обработка фольклорных впечатлений; фольклорные элементы и являются принадлежностью речевого стиля, и служат для выражения эмоционального состояния души. Каждый случай фольклоризации органично входит в повествование, художественно привязан и неповторим.

По внешней логике сюжета человек-«ветوشка», обитающий в Петербурге, нечаянно избирает темой для разговоров-раздумий в письмах то сказки или былички, то встречу с шарманщиком или посиделки. Но не такова внутренняя логика романа. Город вдохновляет и толкает героев на строго определенные слова и поступки. Макар и Варенька в своих прикосновениях к народной поэзии как бы отталкиваются от петербургской действительности. Что бы они ни вспоминали — сказки или звонкие песни, о чем бы ни писали — о народных зрелищах или страннических рассказах, всюду угадывается неприянь «маленького человека» к буржуазно-дворянскому городу, «питер-

²³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IX. М., 1955, с. 563.

²⁴ См.: Белецкий А. Достоевский и натуральная школа в 1846 году. — Наука на Украине, 1922, № 4, с. 340; Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. М., 1976, с. 186.

²⁵ См.: Яцевич Ор. М. Опыт объяснения легенды об «Ивиковых журавлях». Чернигов, 1908.

щине». Подспудные антипетербургские мотивы фольклорных отражений в целом закономерно обусловлены всем гуманистическим строем произведения Достоевского.

В специальном обсуждении нуждается еще главное лицо «Бедных людей». Макар Девушкин, природа личности которого демократична, открыто соотносится у Достоевского с народно-поэтическим характером-аналогом: «Не пришлось им по праву, так и пошло на меня <...> всё на Макара Алексеевича; они только и умели сделать, что в поговорку ввели Макара Алексеевича в целом ведомстве нашем. Да мало того, что из меня поговорку и чуть ли не бранное слово сделали, — до сапогов, до мундира, до волос, до фигуры моей добрались: всё не по ним, всё переделать нужно. И ведь это всё с незапамятных времен каждый божий день повторяется <...> Так за что же напасти такие на меня, прости господи?» (1, 47).

Только в опубликованном русском фольклоре XVIII—XIX вв. нам удалось обнаружить шестнадцать разных поговорок и поговорок, в которых употребляется имя «Макар». Их объединяет истолкование персонажа. Макар всегда простоват, смешон, ограничен, незадачлив, гоним, обездолен: «Грядет Макар к вечерне от собак в кабак», «Нашему Макаре все огарки», «Свисти Макар на все четыре стороны» и т. п. Пословица «На бедного Макара и (все) шишки (щепки) валяются (летят)» пользовалась исключительной популярностью.²⁶ В рассказе Достоевского «Чужая жена и муж под кроватью» она обыгрывается как избитый лингвофольклорный штамп.

Закрепленное устной и бытовой традицией за именем-общением «Макар» устойчивое значение было характерно не для одних пословиц и поговорок, но и для лубочного творчества и скоморошьяго театра, устных рассказов, святочной «покойничкой игры» «Макарушка поситъ», прозвищного и бранного фольклора, шуточных песен, карточной игры «в Макары», детского фольклора, фразеологии («Макарку подпустить», «Макаром смотреть») и т. д.²⁷ Существовал как будто некий раздробленный «микрорэпос» о «бедных Макарах».

У Достоевского образ Макара Девушкина ориентирован на

²⁶ Иллюстров И. И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Изд. 3-е, испр. и дополн. М., 1915, с. 376.

²⁷ См.: Кондратьева Т. Н. Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа. — В кн.: Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. Казань, 1964, с. 151—152; Зеленин Д. К. Этимологические заметки. Воронеж, 1903, с. 26; Савушкина Н. И. Русский народный театр. М., 1976, с. 42; Яцевич А. Крепостные в Петербурге. Л., 1933, с. 36; Зоблип Ф. Усть-Нипынская слобода Тюменского уезда Тобольской губернии. — Живая старина, 1898, вып. III—IV, с. 326; Можаровский А. Из жизни крестьянских детей. Этнографические материалы. Казань, 1882, с. 57, 60; Макаров М. Опыт русского народного словоупотребления. — Чтения в Обществе истории древностей российских при Московском университете, 1846—1848, с. 154 (отд. оттиск). Также см.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, с. 290 («Макар»).

фольклорную традицию, окружившую «Макаров» непривлекательной, почти дурной славой. Сближение и взаимосвязь с фольклорным прототипом углубляли жизненную и демократическую значимость образа.²⁸

Девушкин узнает себя не только в героях «Станционного смотрителя» и «Шинели», но и в фольклорном Макаре. Служивцы-«заубоскалы», особенно Ефим Акимович, «такой задирала, какого и на свете не было» (1, 71, 91), «сделали» из Макара Алексеевича — разумеется, не иначе, как при помощи и по правду карикатурных уподоблений — «пословицу и чуть ли не бранное слово». Это произошло вследствие того, что Макар Девушкин именем, видом и бытием своим демонстративно напоминал «псблагаобразного» фольклорного двойника. В этом суть его горьких сетований: «они только и умели сделать, что в пословицу ввели Макара Алексеевича в целом ведомстве нашем». Девушкину претит сходство с фольклорным Макаром ничуть не меньше, чем с тоголевским Башмачкиным. Он вынужден принимать на собственный счет все глумливые остроты и насмешки, основанные на ходячих выражениях о пословично-поговорочном тезке-горемыке.

Однако Девушкин не из тех, кто безропотно и пассивно выносит унижительное обращение человека в нелюбимую пословицу-каламбур, поговорку-анекдот или «бранное слово». Он возмущается, гневно ворчит, по-своему бунтует: «...за что же напасти такие на меня, прости господи?». В этой части письма от 12 июня — одна из основных точек зрения, с которых Макар Алексеевич осуждает и отвергает привычное, обиходное, в том числе бытующее фольклорно. Протест против тупого и бездушного «омакаривания» человека в николаевскую эпоху — таков истинный смысл этих рассуждений героя.

Чуть позже, в «Двойнике», Достоевский психологически усовершенствует и разовьет этот же художественный прием — использование подсказанного фольклором имени героя в интересах реалистической петербургской характерологии и сюжеттики. По-тоголевски составленный оксюморон «господин Голядкин», сама «низкая» фамилия Якова Петровича, способная принимать «уличную» форму-первообраз «Голядка» (1, 132, 212), — имеют в своем основании дразняще-прозвищные и бранные присловья и поговорки.

Как известно, антропонимия «этнографична вся полностью»,²⁹ и это свойство ее широко используется литературой. Мы не совсем, следовательно, точны, когда мотивируем выбор фамилии «Девушкин» только этнографическими обстоятельствами ро-

²⁸ Впоследствии этот опыт Достоевского нашел продолжение в рассказе В. Г. Короленко «Сон Макара» (1883). См.: Евгений Ф. И. Достоевский и русская литература конца XIX — начала XX века. — В кн.: Достоевский. Материалы и исследования, т. 4. М.—Л., 1980. с. 208—214.

²⁹ Этнография имен. М., 1971, с. 3.

мана.³⁰ В фамилии Макара Алексеевича сталкиваются и переплетаются разные значения. По крайней мере одно из них осмыслено Достоевским этнографически. Фамилию бедного титулярного советника нельзя считать чистой фикцией — она исторически и социально достоверна, принадлежит эпохе. «Родитель мой был не из дворянского звания и со всей семьей своей был беднее меня по доходу» (1, 20). Этому непосредственно соответствует «плебейская», простонародная фамилия отца и сына, Алексея и Макара Девушкиных.³¹ Ее главная идея, возможно, связана с тем, что некий первый Девушкин (первоноситель матронимичной фамилии) был сыном безмужней и бесфамильной «девушки». Допустима условная реконструкция основополагающей вопросо-ответной модели: «Чей сын? — Девушкин». «Девушками» называли слуганок, работниц, горничных. Комнатные, дворные, сенные и другие «девушки», обычно крепостные, прислуживали в барских домах. Прижитые ими дети получали матронимичные прозвания, которые переходили в разряд худородных фамилий, имен семей. Не подразумевает ли фамилия Девушкин понятия о таком «генеалогическом древе» Макара Алексеевича? Версия эта не лишена вероятности.

Письма Макара Девушкина, как того требует речевая жизнь этой личности, словесно демократизированы и доносят до нас живые интонации бойкого народно-петербургского говора: «Встал я сегодня таким ясным соколом — любо-весело!»; «И, святые вы мои!»; «здоровехонек, молодец молодцом»; «замотался я совсем»; «на авось, так на авось!»; «мне, солومه, пьянице»; «парень — плохо не клади»; «совсем замотался»; «простуды напали, враг их возьми!» и т. д. (1, 14, 19, 61, 77, 95, 104, 105).

По обычаю своего времени Девушкин широко пользуется (в 29 письмах из 31) житейскими выражениями и оборотами, в которых отразились идеи бога и судьбы: «Прощайте, храни вас господь!»; «слава богу, что все прошло»; «денек такой на мою долю горемычную выдался»; «Этакой он, прости его господи!»;

³⁰ См.: Альтман М. С. Достоевский. По векам имен. Саратов, 1975. с. 12—13. Кстати, традиция психологизированного истолкования фамилии Макара Алексеевича идет еще от рецензентов «Бедных людей» (ср.: «А бедный Макар Алексеич? Что случилось с ним, действительно добродетельным старичком, как гласит и самая фамилия его: „Девушкин?“» (Я. Я. Я. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. — Северная пчела, 1846, 30 января, № 25).

³¹ В древнерусском «Ономастиконе» С. В. Веселовского (М., 1974) фамилия Девушкин уже зарегистрирована как крестьянская и, напротив, закономерно отсутствует в родословиях русской феодальной аристократии (Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975).

³² Ср.: «Девичий (девий) сын, дочь. Сын или дочь девушки, не вышедшей замуж» (Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров в Сибири. Составитель Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. Новосибирск, 1972, с. 61).

«уж это, верно, мне так на роду было написано, уж это, верно, судьба, — а от судьбы не убежишь, сами знаете»; «бог вам случай послал»; «авось господь ему на душу положит»; «Ну, дай-то, господи!»; «Ну, думаю, как судьба решит»; «знать, уж мне написано так»; «Это так уже судьбою определено, и я в этом не виноват»; «Христос с вами, будьте здоровы»; «Бог видит все»; «Ах, судьба-то, судьба какай!»; «Я вас, как свет господень, любил» и т. д., вплоть до зооморфного образа «вороны-судьбы», целиком взятого из народно-поэтической орнитологии³³ (1, 19, 21, 25, 53, 67, 68, 71, 75, 77, 78, 82, 86, 91, 94, 99, 107).

Повествовательный смысл этой «фразеологической мифологии» имеет свою художественную логику. В эпоху создания романа реальные прототипы «бедных людей» еще не утратили способности воспринимать понятие о судьбе (боге) наивно, «по-фольклорному», непосредственно. Общество кричащего социального неравенства освящалось как официально, системой православия, так и личными предрассудками «маленького человека» в пользу авторитетности земного устройства. Приведенные фразеологизмы — не пустая речевая обрядность или дань обычаю, лишенная предметного социально-психологического наполнения. Они выражают определенное самочувствие и мироощущение. Тут нет мистического восприятия, но есть упрощение жизненной задачи «бедных»: не преодоление бытия, а смирение перед ним. Оттого Макар Алексеевич «иначе и говорить не может», что его сознание, еще спутанное и примитивное, ищет и привычно находит ближайшие, приготовленные родной фольклорной и патриархально-религиозной традицией способы «мифотворческого» объяснения и смягчения социальных порядков: «я гоним судьбою», «я уж бога молю, как молю его за вас, маточка!» (1, 82, 95).

Однако Девушкин живет не иллюзиями, а реальностями. Осознание общественного неблагополучия, кризис личной жизни ведут его к пересмотру, казалось бы, неприкосновенных представлений. В последнем письме Макара уже не остается места для прежних фразеологических оборотов-сентенций в духе смиреннических предрассудков той поры. Народно-поэтические влияния и акценты здесь иные, и, главное, смещены они «влево». Письмо-плач, отражая ужас и боль самого трагического момента в жизни Девушкина, поднимается до негодующе-скорбной патетики, обращенной против виновников несчастья «маленького человека». Здесь намечен мотив борьбы со своей долей, высказано желание превозмогнуть судьбу.

Как мы убедились, фольклорно-этнографическим компонентам принадлежит особая роль в художественной многосоставности романа «Бедные люди». Достоевский впервые обратился здесь к синтезирующему мышлению категориями и понятиями народной

культуры.³⁴ Это имело принципиальное значение. Отныне фольклорно-этнографическая стихия станет одним из источников реализма писателя. Она не понималась Достоевским в ограниченном, «физиологическом» смысле либо как необходимый литературе минимум бытовых реалий, «дежурных» черточек городского и сельского быта. Этнографизм и фольклоризм в «Бедных людях» глубоко социальны и психологичны, обладают конструктивным значением и нацелены на главное: их ясно различимые «голоса» вливаются в «полифоническую» критику антиуманного общественного устройства. Влияние этого опыта на все дальнейшее творчество Достоевского — от «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» — было непреходящим и очень существенным.

³⁴ Если не считать его попыток использовать художественно-речевые средства устной поэзии для русификации переведенного им балзаковского романа «Евгения Гранде». О том, что Достоевский этого периода блестяще владел искусством пословицы и фразеологизма, свидетельствует его письмо к П. А. Каренину от 20 августа 1844 г. (П., IV, 246—248).

³³ Сумцов П. Ф. Ворона в народной словесности. — Этнографическое обозрение, 1890, № 1, с. 61—86.